

ОБ ОДНОМ НЕИЗУЧЕННОМ ЯВЛЕНИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА

Татьяна Михайловна Николаева (Казань)

В области исследования церковнославянизмов в произведениях А. С. Пушкина сделано достаточно много. Однако это утверждение справедливо, если иметь в виду освещение таких вопросов, как: славянизмы как технические средства версификации [4], реализация центральной идеи пушкинской реформы – нейтрализация высокой лексики, ее слияние с народно-речевыми элементами [5], роль славянизмов в творчестве А. С. Пушкина для дальнейшего развития литературного языка [1], стилистическая маркированность архаичных элементов, их участие в создании ореола торжественности, одического стиля, исторического колорита, проповеди гражданских идей [3].

В научных изысканиях оказались обойденными вопросы, касающиеся нетрадиционного, но весьма активного функционирования церковнославянизмов, выступающих в качестве значимых элементов в текстах специфической жанровой ориентации, а именно – средств организации сатирического текста. Справедливости ради следует заметить, что пушкинская деятельность в этом плане продолжает традиции стилистической трансформации славянизмов в произведениях авторов демократической сатиры второй половины XVII века, М. В. Ломоносова, Н. И. Новикова.

«Можно сказать, что славянизмы... не употреблялись в таких стихотворных текстах, в которых имелась ярко выраженная стилистическая установка на сниженность стиля», – утверждает И. С. Ильинская [4, С. 213]. Несостоятельность этого положения очевидна: церковнославянизмы как определенная стилистическая категория, нацеленная на выполнение конкретной художественной задачи – создание сатиры, юмора, иронии, чрезвычайно широко представлены в творчестве великого поэта, в чем мы сможем убедиться, рассмотрев подробно пушкинские приемы организации сатирического текста с использованием указанных языковых средств.

Наиболее явственно реализуется А. С. Пушкиным принцип «иронического сцепления семантических неравностей» [3, С. 238], при котором

проводится столкновение слов разных сфер бытования: высокое, книжное контрастирует с «грубой натурой», «низкой природой». Этот прием мог создавать разные эмоциональные образы текстов, начиная от иронической имитации стиля Данте в переводе Пушкиным сонета Франческо Джинни: «Как с древа сорвался предатель ученик, Дьявол прилетел, к лицу его приник, Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной И бросил труп живой в гортань гиены gladной»... и кончая яростным саркастическим обличением пустой «фразы», которой прикрывали свое бездействие сильные мира сего – в стихотворении «Мирская власть»: «К чему, скажите мне, хранительная стража? Или распятие казенная поклажа, И вы боитесь воров или мышей?»¹

Подобного эффекта достигает автор и введением в текст «обветшалых» слов, тесно связанных с пафосом одической традиции, тональность которых четко осознается в бытовых текстах, абстрагированных от жанра оды: *вотще, зойл, велеречие, зане* и др.; в «Гаврилиаде»: «Подземный царь, буян широкоплечий Вотще кряхтел с увертливым врагом И, наконец, желая кончить разом, с архангела пернатый сбил шелом... Схватив врага за мягкие власы» (IV, 116).

Столкновение книжных лексем с разговорно-бытовыми достигает большей контрастности в случаях своеобразных «стилистических бросков» автора, дающего характеристику лицу или явлению в сравнительном аспекте: «Когда б писать ты начал сдуру, Тогда б наверно ты пролез Сквозь нашу тесную цензуру, Как внидешь в царствие небес» (II, 18), или: «Румян, как верный херувим» (IV, 118).

Эффект иронии, сарказма проявляется в различного рода разностильных сочетаниях типа: «проклятый владыка», «докучная мольба», «грешная дыра», «какой-то богомаз», «обжорливая младость», «благородные гуси», «плюет на алтарь». Иногда они носят характер алогизмов: «благородное бешенство», «меркантильный дух», «благородная интрига», «благородная чернь», «любовные псалмы», «молебны лести» и т. д.

Тот же процесс отмечаем в случаях перенесения действия бога, верховных служителей и церковных деятелей в сферу бытовых реалий. Отсюда – стилистически сниженная характеристика речи и деяний указанных персонажей: «Архангел Гавриил, шатаясь,.. рею», «попы... обманули», «струнами арф бряцают херувимы», «крадется под ризы торопливо», «награда всех дьячков осиплых пенье». То же – по отношению

¹ Здесь и далее тексты цитируются по изданию: Пушкин А. С.: Полное собрание сочинений. В десяти томах. Издание 4-е. Ленинград, «Наука», 1978.

к традиционным образам церковной символики: «сатана... наморщив лоб, скосясь, кусая губы, архангела ударил прямо в зубы». Подобное превращение библейских персонажей в мирские способствует не только созданию иронии, но и эмоциональной жизненной окрашенности. Сюда же примыкает прием антропоморфизации – наделение бога человеческими чертами: в «Гавриилиаде» бог Саваоф ведет себя вполне как земная личность: он влюблен, индифферентен к своим божественным функциям, сочиняет вместо молитв любовные псалмы.

Еще более выразительна диспропорция соотносимых величин в случаях «незаконных» сближений слов из разных поэтических систем, где церковнославянизмы контрастируют не только с бытовой лексикой, но и заимствованной. Сцепляя разные семантические сферы, поэт нарушает правильный ход смысловых ассоциаций, добивается разрыва естественных связей между словом и контекстом – и все это, выполняя четко поставленную задачу: описать пером сатирика вычурно-искусственную атмосферу светской жизни, подвергнуть осмеянию жизненный уклад ее представителей. «Вошел: и пробка в потолок, Вина кометы брызнул ток, Пред ним ростбиф окровавленный, И трюфли, роскошь юных лет, Французской кухни лучший цвет, И Страсбурга пирог нетленный Меж сыром лимбургским живым и ананасом золотым...» (V, 13).

Славянизмы, составляющие лексическую основу произведения, даются Пушкиным в плане семантической антитезы, противопоставленности по смыслу, что особенно характерно для эпиграммы. Так, в послании Орловой-Чесменской: «Благочестивая жена Душою богу предана, А грешною плотию Архимандриту Фотию» (II, 334).

Знание семантики древнего церковного слова позволяет А. С. Пушкину использовать лексемы с учетом их диффузности, семантической объемности, наполненности. Путем совмещения прямого и переносного значений слова, составляющего основу метафорического синкретизма, моделирующего образную структуру, посредством столкновения современной и архаичной семантики достигается определенный эффект – создание сатирических образов. Так, в эпиграмме «На Фотия»: «Полуфанатик, полуплут, Ему орудием духовным Проклятье, меч, и крест, и кнут... Пошли нам, господи, греховным Поменьше пастырей таких – Полублагих, полусвятых» (III, 335) пародийно-иронически звучит обращение «пошли нам, господи», которое дается на фоне обличительной лексики, обрамляющей эпиграмму, с компонентом *полу*, придающим значение неполноценности, ущербности, характеризующим существительное «пастырь», которое синкретично по семантике: в древнерусском

языке это пастух и священник, руководитель паствы. Интересна и лексема «полублагод», благодаря своей половинчатости обнаруживающая двойственную мотивацию: это не только полу-святой, полу-милосердный, но и полу-блаженный (сумасбродный, взбалмошный, с причудами). Так создается сатирически обличительная характеристика персонажа.

Привлекают внимание факты участия славянизмов в эксплицировании контрастивного композиционного построения. Так, в «Гавриилиаде» (IV, 106) благочестиво-апокрифическое повествование с назидательно-призывным вступлением: «Приди ко мне, прелестный ангел мой, И мирное прими благословенье» и заключительной молитвой: «Аминь, аминь, чем кончу я рассказы?» перемежается обращениями церковного характера типа: «Но, братия, с небес во время оно Всевышний Бог склонил приветный взор» ... Или: «И ты, господь! Познал ее волнение, И ты пылал, о боже, как и мы...»). В данном случае трудно было бы говорить о сатирической окраске, если бы не одно обстоятельство: все это мифологическое повествование развивается на фоне фамильярной беседы в тесном приятельском кругу: «Поговорим о странностях любви» (IV, 108). Эта фамильярность тона обостряется интимными обращениями типа: «О милый друг, Вы помните то поле?», «Друзья мои», или: «Не сетуйте, красавицы мои», «О женщины, наперсницы мои»... – так осуществляется не столько связь с обстановкой салонной болтовни и городских сплетен, сколько та контрастность, благодаря которой композиционное построение оказывается участником создания комедийного, подчас сатирического колорита.

Иногда эта контрастность затушена, приглушена. Если обратиться к словам Гавриила, адресованным к Марии: «О радуйся, невинная Мария! Любовь с тобой, прекрасна ты в женах; Стократ блажен твой плод благословенный, Спасет он мир и ниспровергнет ад» (IV, 117), то мы увидим явную имитацию церковной молитвы «Богородице Дево, радуйся, благодатная Марие, Господь с Тобою, благословенная ты в женах и благословен плод чрева твоего, яко Спаса родила еси душ наших». Переноса эту молитву в свой текст, Пушкин акцентирует внимание не на духовных, а на эротических моментах, в связи с чем он приобретает пародийное звучание.

Можно было бы указать на случаи авторского введения церковнославянизмов в нейтральный текст, несущих в себе негативные признаки действия: елейность, неискренность, ложность: «Со взором, полным хитрой лести, Ей Карла руку подает, Вещая: «Дивная Наина! Мне драгоценен твой союз» (IV, 36). При этом ирония автора – за текстом, она не

распространяется непосредственно на изображаемые события. Прямая речь персонажа гармонирует с авторской характеристикой, а церковно-славянизмы «вещая, драгоценен» включаются в создание общей картины иронического звучания текста.

При семантической эволюции слова архаическими становятся некоторые из значений, которые сохраняются в языке XIX века чаще всего благодаря культурно-историческим коннотациям. Поэтический контекст актуализирует угасающую связь устаревшей семантики с современной, как бы выявляя в его современном значении законный, но забытый смысл. В «Гавриилиаде» есть строки: «Готовь себя к неведомой судьбине, Жених грядет, грядет к своей рабыне» (IV, 108). Сочетание «Жених грядет» зафиксировано у Кирилла Туровского в его знаменитой проповеди «Слово в новую неделю по пасце», где церковнославянское Жених – есть олицетворение бога, божественного начала. У Пушкина, как известно, эта лексема наполнена двойственной семантикой: это и бог, и жених в современном понимании этого слова.

Семантизация может способствовать созданию энантиосемии: внешне положительная характеристика дается в явно негативном, потенциальном, скрытом виде. Прямое, узуальное значение скрепляется с окказионально авторским, что реализуется в условиях поэтического и прозаического контекста: «Как бы это изъяснить, Чтоб совсем не рассердить Богомольной важной дуры Слишком Чопорной цензуры?» (II, 111). Или: «Благородные, просвещенные французы... ознаменовали свое торжество достойным образом. Они зажгли Москву» (VIII, 83). Обилие непрямых номинаций, балансирование между узуально принятым, прямым значением и переносным наименованием обеспечивают иронический тон и создают негативную характеристику: «драгой залог» (о Зарецком: «ничего не стбящий») (V, 112), «питомец твой молодой, цветущий, здоровый» (о Свистове) (III, 126).

Реализация пушкинского замысла особенно явственно ощущается в случаях морфологического словообразования. Благодаря экспрессивности словообразующей морфемы (основы или аффикса) достигается подчеркнута сатирическая окраска лексем. Так, повтор этимологически родственных, но семантически дестимологизированных морфем не только реанимирует этимологию слова, но и актуализирует его семантику, а вместе с тем – и стилистическую окраску: «Во всякой песенке Глафирами пленялся, Которых от роду хотя и не видал, но тем не менее безбожно обожал» (I, 421). Это возрождение десемантизированного производного в лексически значимое и первично мотивированное акцентирует внима-

ние читателя на экспрессивно-оценочной его характеристике. Или: «Мой друг! Неславный я поэт, Хоть христианин православный» (I, 227). С помощью однокорневых лексем, включающих тезис-антитезис, удается добиться этимологической регенерации основ. Для современного языкового сознания «неславный» и «православный» находятся в родственных, но не в деривационных отношениях, то есть не в отношениях непосредственной мотивации: церковнославянское *православный* – исповедующий православие – одно из главных и старейших направлений в христианстве; общеславянское нейтральное *неславный* – не пользующийся популярностью, слабой. Сопологая слова так, будто они являются дериватами одной производящей основы, Пушкин перестраивает логические связи между понятиями, которые они выражают. Этот семантико-деривационный сдвиг похож на поэтическую этимологизацию: сближение слов основано на авторском переосмыслении логико-понятийных и языковых связей, что приводит к своеобразной игре слов, окрашенной юмористическим оттенком.

Целенаправленно сталкивает поэт в «Гавриилиаде» имена со значением лица с суффиксом *-ник* («угодник» – «сводник»): «стал нехотя услужливый угодник Царю небес... а по-земному сводник» (IV, 109). Тем самым он лишает «угодник» церковного содержания, чему в немалой степени способствует контаминация атрибутивного сочетания (вместо «святой угодник» – «услужливый угодник»), интенфицирует в нем значение лица по действию «угождать» и делает идентичным негативно окрашенному «сводник».

Особую роль в организации сатирической или юмористической окраски играют церковнославянские префиксы типа *вос, из, рас* и другие: «Но я молюсь и *воздыхаю*», но особенно – в случаях типа: «О вы, которые, *восчувствовав* отвагу, *Хватаете* перо, *мараєте* бумагу» (I, 358), где нарочито произведена замена стилистически нейтрального префикса церковнославянским. В результате слово, будучи осложненным стилистически маркированным префиксом, становится носителем отрицательной экспрессии. Справедливость утверждения о сознательном стилистическом выборе морфемы подтверждается работой Пушкина над словом, зафиксированной в черновиках. Так: в «Графе Нулине» строке: «Восстав поутру молчаливо, граф одевается лениво» (IV, 170) предшествуют наброски: «Поутру вставши молчаливо», «Но встав поутру молчаливо...».

Значимыми в передаче экспрессивности являются сложные слова, созданные по продуктивным моделям способом трансфиксации: *благодарнослов, смиренномудрие, веротерпимость, богомаз, благочиние, коленапре-*

клоненный, иногда – способом сращения: «Издревле Горюхино славилось своим *благорастворенным* климатом» (VI, 116).

Из менее ярких приемов создания сатирической направленности можно указать на активизацию церковнославянизмов в случаях использования однокорневой синонимии, которую образуют производящее и производное: «Сальери: – Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь... Моцарт: – Ба! Право? Может быть... Но божество мое проголодалось» (V, 310). С другой стороны, подобное использование славянизмов способствует снижению, материализации божественного начала.

Проведенные наблюдения позволяют утверждать, что творческое освоение церковнославянизмов, используемых в качестве средства создания иронии, сатиры, является одним из направлений литературно-художественной практики А. С. Пушкина и представляется важным для понимания исторического процесса формирования русского литературного языка на его завершающем этапе.

Литература:

1. ВИНОГРАДОВ, В. В.: А. С. Пушкин – основоположник русского литературного языка. Москва, «Правда», 1949.
2. ВИНОГРАДОВ, В. В.: Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. Москва, 1938.
3. ГРИГОРЬЕВА, А. Д., ИВАНОВА, Н. Н.: Язык лирики XIX века. Пушкин, Некрасов. Москва, «Наука», 1981.
4. ИЛЬИНСКАЯ, И. С.: Лексика стихотворной речи Пушкина. Москва, «Наука», 1970.
5. ЛЕВИН, В. Д.: «Евгений Онегин» и русский литературный язык. Известия АН СССР, серия литературы и языка. Вып. 3., 1969.